

Р. Ф. Брандт

**Краткая фонетика и
морфология польского языка.
Лекции**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 81
ББК 81
Р11

Р11 **Р. Ф. Брандт**
Краткая фонетика и морфология польского языка. Лекции / Р. Ф. Брандт – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 46 с.

ISBN 978-5-518-06054-8

Извлечено из XX тома Историко-филологического отдела Ученых Записок
Императорского Московского Университета.

ISBN 978-5-518-06054-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ніе ѣ тамъ, гдѣ въ Русскомъ языкѣ является замѣна его чистымъ гласнымъ: кровь, род. крови (крѣкъ—крѣе) звучитъ krew, kwi (въ старину съ болѣе архаическимъ окончаніемъ kwię); плоть, род. плоти (плѣть—плѣти)—rѣś, rѣci (въ значеніи пола—sexus). Слѣдуетъ думать, что Польскій языкъ сохранилъ здѣсь старину, отъ коей Русскій языкъ уклонился, вставивши въ затруднительныя созвучія заимствованный изъ другихъ падежей гласный. Звукъ ѣ, какъ по-русски, нѣмѣя оставилъ послѣ себя мягкость, а проясняясь далъ е умягчительное: dzień, род. dnia (днь, дње), koniec—коіса (комѣць); leń—lnu (лнь), chrzest—chrztu крещеніе (крѣсть), г шепелявый, слѣдъ ї,—появленіе ch вмѣсто k здѣсь едва ли фонетическое, вѣроятно ch явилось сюда изъ—Chrystus. Относительно ѣ нужно слѣдять оговорку. Было сказано, что ѣ, нѣмѣя оставляетъ по себѣ мягкость, и проясняясь даетъ умягчительный гласный; но иногда мягкость впоследствии исчезла. Такъ произносятъ krew (крѣкъ), хотя иногда и пишутъ—krew; въ словѣ koniec—с твердый, хотя послѣ него утраченъ ѣ (комѣць), въ словѣ orzeł, род. orła, изъ основного орѣкъ, шепелявый г самъ по себѣ отвердѣлъ, а простой г—путемъ уподобленія слѣдующему ї. Польскій языкъ допускаетъ органическое онѣмѣніе еря (такъ же какъ и ера) въ открытомъ слогѣ, тамъ, гдѣ другіе языки отъ него уклоняются: kłnę=кльнѣ (русское клянѣ заимствовало я изъ инфинитива клати—клясть); rłwaś—рльвати; їza—сльза (ї повидимому указываетъ на первоначальное слъза, тогда какъ наше „слеза“ предполагаетъ слъза).

Въ числѣ примѣровъ, приведенныхъ на проясненіе и онѣмѣніе ѣ и ѣ, были такіе, гдѣ ѣ и ѣ слѣдовали за звуками г и ї. Теперь надо рассмотреть тѣ случаи, гдѣ староцерковный языкъ представляетъ рѣ, рѣ, лѣ, лѣ, которыя, по сравненію съ другими языками, должны представлять слоговые г и ї (г, ї). Слоговой г твердый далъ аг—трѣтъ targ; неизвѣстное староцерковному языку крѣкъ (шея)—kark,=чешск. krk; г мягкій по-польски прежде всего явился въ видѣ иг (г—мягкій), откуда или шепелявое—igz или (примѣняясь къ слѣдующему твердому)—ig; въ новопольскомъ—і-здѣсь перешло въ е: ierz, ier; такую замѣну ї мы видимъ передъ звуками губными и задненебными, нпр.: wierzba (врѣба), wierzch (врѣхъ), czeграś (чрьпати), siegr (срьпъ)—рядомъ съ sierzp. Дру-

гая замѣна $\dot{r}$, совпадающая съ замѣной r твердаго, есть ar ; это можно объяснить тѣмъ, что $\dot{r}$, оставаясь еще слоговымъ, передъ твердыми зубными $t, d, s, z, \dot{l}$, передъ коими является такая замѣна, отвердѣлъ и послѣ раздѣляя участь твердаго. Примѣры: $ozaglu$ (урьтын), $martwu$ (мрътын), $zagla$ (сръма, козуля, сегув *sarceolus*). Слоговой l по-польски встрѣчается въ двухъ видахъ — el и lu : съ одной стороны пльмын — $re\underline{p}nu$; кльма — $we\underline{p}na$; *гальк — $gie\underline{l}k$ (голкъ, звукъ; g здѣсь мягкое, какъ передъ e изъ $\dot{r}$); съ другой стороны: стальк — $s\underline{l}up$; дльгын — $d\underline{l}ugi$; тльстын — $\underline{t}ustu$. Кромѣ этихъ двухъ обычныхъ замѣнъ, встрѣчаемъ также своеобразныя замѣны $\dot{l}$, для которыхъ не видно объясненія: маѣнтн по-старопольски $mo\underline{l}wi\underline{c}$, по-новопольски $mo\underline{w}i\underline{c}$; $\dot{l}$ далъ $o\underline{l}$, $o\underline{l}$, а затѣмъ $\dot{l}$ исчезъ; сльмыце — $s\underline{l}o\underline{p}se$, гдѣ вм. $\dot{l}$ — lo ; этотъ послѣдній случай можно объяснить въ связи съ первымъ, т. е. $\dot{l}$ сначала перешелъ въ $o\underline{l}$, а потомъ произошла перестановка; ибо можно думать, что въ исключительныхъ случаяхъ языкъ могъ прибѣгнуть къ исключительному средству: въ данномъ словѣ перестановка оправдывается совершенною необычностью соединенія $\dot{l}ps$ — по-русски $л$ здѣсь не произносится, также и Словенцы пишутъ $solpsa$, выговаривая „зопсе“; болгары выговариваютъ съянце (что пишется сълянце) или съянце. Появленіе $o\underline{l}$ вм. $\dot{l}$ составляетъ правило послѣ шипящихъ согласныхъ: ульмъ — $szo\underline{l}n$, жльгын — $z\underline{o}l\underline{g}u$. Но здѣсь приходится предполагать слоговой l мягкій. Вмѣсто $\dot{l}$ мы еще находимъ въ польскомъ il , рядомъ съ русскимъ твердымъ слогомъ ol : клькъ — $w\underline{i}lk$, маљуати — $m\underline{i}lcze\underline{c}$, возможно, какъ предполагаетъ Ягичъ, что для этихъ словъ болѣе правильное написаніе есть — клькъ, маљуати; отсюда понятно появленіе il , которое = irz , ir , какъ замѣнѣ $\dot{r}$. Но если понятны при такомъ взглядѣ польскія $w\underline{i}lk$, $m\underline{i}lcze\underline{c}$, зато непонятны волкъ, молчать.

Ѣ въ Польскомъ языкѣ чаще всего является въ видѣ e умягчительнаго: $nie\underline{s}u$ — нѣмой, $lew\underline{u}$ — лѣвый, $krzer\underline{k}i$ — крѣпкій, $chl\underline{e}b$ — $chleba$; $gze\underline{k}a$ — рѣка, $bieg$, $śmiech$. Ѣ является въ такомъ видѣ передъ губными и задненебными согласными; иное дѣло передъ твердыми зубными, т. е. передъ $t, d, s, z, \dot{l}$, и еще передъ r : передъ ними $\dot{r}$ подвергается разширенію въ a , при чемъ конечно, предшествующій согласный сохраняетъ свою мягкость (для краткости можно говорить, что $\dot{r}$ переходитъ въ a), когда же за нимъ

слѣдовалъ мягкій согласный, ѣ всегда переходилъ въ е: miesiąc—мѣсяць, kapiel—капаль, pieniądz—пѣназь (монета), но wianek—вѣнокъ, lato—лѣто, gniaźdu—гнѣдой, piasek—пѣськъ, gwiazda—звѣзда, biały, miaga. На основаніи сказаннаго ясно, что если вслѣдствіе производства, склоненія или спряженія, случится измѣненіе твердаго зубного въ мягкій, то вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется замѣна ѣ, такъ въ словѣ—wianek мы видѣли а, но родственное реченіе кѣмыць звучитъ wieniec, отъ las (лѣсь) происходитъ leśny (лѣсной), прилаг. biały имѣетъ сравнительную степень bielszy, miasto (городъ=рус. мѣсто; наше „мѣсто“ передается уменьшительной формой miejsce)—мѣстный падежъ—„w mieście“; jadę (ѣду) образуетъ 2-е л. jedziesz. Однако изъ этого звукового закона есть много исключеній, вслѣдствіе примѣненія одной формы къ другой: иногда передъ мягкими согласными—ѣ является ѣ видѣ ia, нпр. къ biały можно образовать множ. ч. biali; и бывають случаи появленія ѣ въ видѣ е передъ твердыми зубными: działo дѣло [которое имѣетъ разновидность działo — „пушка“, подобно тому какъ рус.—орудіе, означавшее въ древности „дѣло“, теперь= „пушка“; działo въ смыслѣ „дѣло“, читается въ псалтыри XIV в., Маргаритиной (по мнимой владѣлицѣ его королевѣ Маргаритѣ) или Флоріанской (по монастырю Св. Флоріана въ Верхней Австріи)]. Подобное же е вм. ѣ передъ твердымъ звукомъ представляетъ слово bieda съ варьянтомъ biada, powieść рядомъ съ rowieść, сѣпа—цѣпа. Появленіе ie вм. ia отчасти объясняется вліяніемъ Чешскаго языка на Старопольскій, иной разъ, можетъ быть, слово подвергалось вліянію другихъ словъ; такъ прилагат. biedny могло породить существ. bieda; въ словѣ же сѣпа—звукъ с должно быть отвердѣлъ раньше перехода ѣ въ ia, а условіемъ такого разширенія, кромѣ твердости слѣдующаго согласнаго, повидимому, надо считать еще и мягкость предшествующаго. Какъ же представить себѣ преемство между польскими ie и ia изъ основнаго я? Кажется, слѣдуетъ думать, что въ Польскомъ языкѣ первоначально было ä (е широкое, близкое къ а) вм. ѣ; это ä перелѣ мягкими согласными суживалось въ е; а передъ твердыми зубными разширялось и переходило въ ia. Мысль, что польское ia не можетъ быть основною замѣною я принадлежить Алдр. Ав. Потебнѣ, который указалъ на то, что, еслибы въ Польскомъ произо-

ходило суженіе *ia* въ *ie*, то онъ сузилъ бы и основное *ja*; во вторыхъ, въ исходѣ словъ, гдѣ нѣтъ никакого вліяющаго согласнаго, мы находимъ *e*: *ęse*=*жца*; *we śnie*=*къ сна*; сюда слѣдуетъ еще прибавить замѣчаніе Бодуэна-де-Куртенэ, что въ старинномъ языкѣ иногда является *e*, гдѣ позднѣе видимъ *ia*: *powieda*, *miega*, *siępo*, *bieły*; вѣроятно, это написание выражаетъ *e* широкое.

Ж и **А**. Юсы въ Польскомъ языкѣ сохранили свой носовой характеръ: самое раскрытіе первоначальнаго значенія юсовъ большого и малаго Востоковымъ было основано на сравненіи Староцерковнаго языка съ Польскимъ. Мы имѣемъ въ Польскомъ тѣ же носовые *e* и *o*, на письмѣ *ę* и *ą*, что и въ Староцерковномъ; но представляя тѣ же носовые гласные, Польскій языкъ употребляетъ ихъ иначе: на мѣстѣ **ж** является и *ą* и *ę*: *сждѣ*—*ząd*, род. *ządu*; *сжкъ*—*sek*, род. *seku*. Въ одномъ и томъ-же корнѣ бываетъ колебаніе между *ą* и *ę*: мы только что видѣли первичное слово *ząd* *сждѣ*, но производное отъ него *сждни* (судья) будетъ *śędzia*; *паккъ*—*rajak*, но *пакнина*—*rajęszyna* (паутина); *сжпын*—*ąkaru*, но сравнительная степень *скерязу*; *ржкк*—*ęка*, а уменьшительное *гąszka*. Указанное чередованіе замѣчается и въ склоненіи: одни падежи могутъ представлять *ę*, другіе—*ą*: *гѣка*—*gąk* (род. мн.). Особенно часто у словъ ероваго склоненія односложный назывникъ имѣетъ *ą*, а другіе, двусложные, падежи—*ę*: *джкъ*—*dąb*, род. *dębu*; *мжкъ*—*maź*, *межа*. Колебаніе между *ą* и *ę*, какъ показываетъ сравненіе Польскаго съ Чешскимъ и отчасти съ Сербскимъ, восходитъ къ болѣе раннему колебанію между долготою и краткостью; *ą*—предполагаетъ гласный элементъ долгій, *ę*—краткій. Какъ у Поляковъ *ę* съ *ą*, такъ у Чеховъ чередуются *u* съ *ou* (старочеш. *ú*: *авутъ* въ чешскомъ письмѣ служить знакомъ долготы): *ząd*=чеш. *voud* (стар. *súd*), *śędzia*—*sudí*, *sek*—*suk*, *мека* *мука*—*muка*, *мака* *мука*—*mouка*. Впрочемъ въ Чешскомъ мы не видимъ колебанія между *u* и *ú* въ склоненіи: по-польски *dąb*, при род. *dębu*, а по-чешски *dub*, *dubu*. **А** и **е** никогда не начинаютъ слова, и начальный **ж** принимаетъ призвукъ *w* (и въ Староцерк. видимъ призвукъ *в* и *j*, но **ж** нерѣдко стоитъ въ зачинѣ): *жда*—*węda*, *жъкын*—*wązki*. **Е**, соотвѣтствующее юсу широкому, никогда не бываетъ умягчительнымъ, хотя бы и предшествовали заднеязычные *g* или *k* (которые, какъ мы видѣли, бываютъ мягки передъ *e* про-

изшедшимъ изъ ѡ): гасъ—geś, касъ—keś. Конечно, въ такихъ случаяхъ g и k не могутъ быть такъ тверды, какъ передъ широкими гласными: а, о и др., но они все-таки не мягкіе. Изъ закона неумягчительности е исключеніе составляетъ причастіе gięty—гѣмъ-тын и неопредѣленное того-же глагола—giąć. Формы эти вторичныя; онѣ образовались по примѣру глаголовъ, имѣющихъ въ корнѣ юсъ узкій: наст.—ręce, инф.—riąć, прич.—rięty=пѣмъ, пати, патъ: źnę, źnać, źęty—*жѣмъ (въ староцерк. жѣмъ жѣмѣши и т. д.), жати, жатъ; tnę, ciąć (рубить), cięty—тѣмъ тати, татъ,—подъ вліяніемъ этихъ глаголовъ и къ настоящему ręce образовали giąć и gięty.—На приведенныхъ только что глаголахъ мы видѣли, что и узкому юсу соотвѣтствуютъ е и а; но что эти е и а *умягчительны*; отмѣтимъ еще нѣсколько примѣровъ, на которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ было бы видно чередованіе ie и ią и соотвѣтствіе его чешскому чередованію краткости съ долготой, сходное съ тѣмъ, которое мы отмѣтили у замѣнителей юса широкаго: патъ—rięć—чеш. pět' (' и '—знаки мягкости), пати—riąty—ráty, дѣта—dzięcie—dítě, *дѣтатко—dzieciątko, dęt'átko. Исключеніе изъ закона умягчительности представляютъ тѣ случаи, когда юсу предшествуютъ шипящіе, которые сначала были мягки, а затѣмъ сдѣлались средними: sześć—шастъ, вышеприведенный инфинитивъ źnać. Нѣчто въ родѣ исключенія замѣчается въ тѣхъ словахъ, гдѣ передъ а стоитъ согласный j, нпр. замѣць—zająć, zaјаса, чеш. zajíc, прилагат. замѣни—zajęczy, чеш. zaječí, языкъ—język, чеш. jazyk, ядро—jądro, чеш. jádro; въ такихъ случаяхъ е и а, правда, имѣютъ передъ собой мягкій согласный (въдѣ j самъ по себѣ мягокъ), но j есть и въ староцерк., и самому юсу здѣсь соотвѣтствуютъ только е и а. Какимъ образомъ возникло чередованіе а съ е—это вопросъ невыясненный. Было высказано предположеніе (Потебней, Лещевскимъ), что въ старѣйшую пору существовалъ всего одинъ носовой гласный, а именно а носовое, почему и употреблялся одинъ знакъ: ѡ, или а съ подчеркнутымъ кончикомъ, и только впоследствии изобрѣли знаки е и а. Если это вѣрно, то нужно предположить, что праслав. ѣ и ѡ у Поляковъ слились въ одно носовое а (умягчительное, или неумягчительное), которое послѣ вторично развилось въ тѣ же ѣ и ѡ, но уже смотря по своей краткости или долготѣ. Носовой элементъ польскихъ юсовъ не у всѣхъ поляковъ звучитъ одинаково; онъ про-

износится различно по говорамъ и то болѣе, то менѣе приближается къ тому же элементу французскаго произношенія, но никогда не совпадаетъ съ нимъ. У Французовъ слышится настоящая пригнуска: произнося гласный, они сопровождаютъ его носовымъ резонансомъ (который происходитъ оттого, что ротовая полость при произношеніи гласнаго не разобщается съ носовой посредствомъ поднятія нѣбной занавѣски—что необходимо для образованія чистаго гласнаго): *bon, honte, oncle, bombe*=*bõ, õt, õkʲ, bõb*. По-французски положеніе носового гласнаго почти не вліяетъ на него: въ только что приведенныхъ примѣрахъ повсюду одно и тоже *õ*, развѣ съ ничтожными оттѣнками; по-польски, напротивъ того, положеніе имѣетъ большое значеніе: гласный произносится съ пригнуской, а затѣмъ слышится еще почти полный носовой согласный, съ окраской отъ послѣдующаго согласнаго, нпр. *kąt* уголь (областное *кутъ*) произносится какъ *kõnt*; передъ губными носовой элементъ близокъ къ *m*: *tępy*=*tẽmpy*; передъ заднеязычными *k, g, ch*—къ *n* *adulterinum*, т. е. къ латинскому *n* передъ *g, k*: *anguis, uncus*, къ греческому звуку въ подобныхъ соединеніяхъ, который изображается буквою *γ*: *ἄγγελος, ἔγχος, ἔγχος*, къ нѣмецкому *ng*: *lange* долго и къ *n* въ соединеніи *nk*, нпр. *denken* думать: *reka*=*reńka*, *mała*=*mõńka*, *tegi*=*tẽngi*. Въ исходѣ носовой элементъ обыкновенно исчезаетъ: *моге* произносится *моге*, *мога* могутъ—*мого*; но онъ слышится въ односложныхъ словахъ: *są* (сжъ)=*sõ*. Теряется носовой элементъ еще передъ *л* и *м*, нпр. *вззаль*—*wziął* произносится *взёл*, *вззала*—*wzięła* произносится *взѣла*: первоначально, очевидно, эти формы произносились съ носовымъ элементомъ, что подтверждается народнымъ выговоромъ ихъ *wziół, wziena*; *am* и *em* встрѣчаются въ такихъ соединеніяхъ, какъ *głowem stracił* (въ староцерк. переложеніи *главъ ѿсмь нстратиъ*)—произносить: *głowem*.

Є. Судьба *є* въ Польскомъ сходна съ судьбою его въ Русскомъ. Во первыхъ оно умягчительно: *ведешн*—*wiedziesz*, *неко*—*niebo*. Умягчительностью исконное *є* отличается отъ *е* изъ *ъ*, но совпадаетъ съ прояснившимся *ь* и съ *ѣ*, однако оно разнится отъ нихъ передъ твердыми зубными и передъ *г*: *е* исконное подвергается здѣсь расширенію въ *о*, конечно съ сохраненіемъ мягкости предыдущаго согласнаго: *ведж*—*wiodę*, *село*—*sioło*, *жена*—*żona*. Это

вторая черта сходства съ Русскимъ языкомъ. Разница однако въ томъ, что 1) у насъ непремѣннымъ условіемъ разширенія е является ударяемость (такъ въ южновеликорусскомъ и литературномъ произношеніи), а Поляки говорятъ *łolądek*, *miodowu*, *siozańcu*; 2) по-польски прояснившійся ѣ не подвергается разширенію, напр.: пѣсь, по-русски пѣс, а по-польски *pieś*, поучѣть—почѣт и росчѣт (число); 3) по-русски разширеніе происходит не только передъ твердыми зубными, но передъ всякимъ твердымъ согласнымъ: тѣплый, по-польски *ciepły*, утѣк—*uciekł*. Отъ основного звукового закона встрѣчаются и уклоненія. Появляется вторичное разширеніе, гдѣ его не должно бы быть: мы видимъ слова—*rozłom* (почва), *rozłomka* (земляника), въ дымъ—*dzim* уменьшит. есть *dzimiek*. Иногда изъ ѣ выходитъ іо вм. іа: *pieśń* образуетъ уменьшит. *pieśnka* или *pieśenka*. Срав. русскій выговоръ—звѣзды, гнѣзда вм. звѣзди, гнѣзда.

Кромѣ разширенія, звукъ е способенъ къ сжатію или наклоненію (*ściśnienie*, *rochylenie*): исконное е и ж приближаются къ і, или переходятъ въ і. Подобнымъ же образомъ а сближается съ о, о переходить въ и. Письменнымъ знакомъ сжатія служить акутъ, т. е. пишутъ ё, ё, а. Отмѣтимъ, что знакъ ё употребляется довольно непоследовательно; отчасти это дѣло правописанія (не всегда обозначаютъ сжатіе), отчасти здѣсь сказываются діалектическія особенности. Наклоненію, какъ уже сказано, подвергается е, соотвѣтствующее основному е, или произшедшее изъ ѣ. Такимъ образомъ имѣемъ ё въ *pieńże*=періе изъ е, въ *dzięsie*=дѣта—изъ ж. Какъ существуетъ колебаніе между двумя замѣнами юсовъ, т. е. какъ чередуются а и е, такъ чередуются ё и е, ё и о: *chłéb*, род. *chleba*, *Bóg*, род. *Boga*. Сжатіе происходитъ обыкновенно въ замкнутыхъ слогахъ, т. е. кончающихся на согласный—*chłéb*, *pieńże* (ближайшимъ образомъ изъ **perje*). Это условіе повторяется и въ другихъ языкахъ при явленіи, соотвѣтствующемъ польскому наклоненію,—въ Чешскомъ, Сербскомъ, Лужицкомъ, и въ нарѣчій Малорусскомъ (въ послѣднемъ о и е въ замкнутыхъ слогахъ дали і: *pić*—попá, *pić*—пéчи). Кромѣ замкнутости слога, условіемъ сжатія у Поляковъ является еще голосовость (звонкость) слѣдующаго согласнаго (звонкіе или голосовые согласные, это—b, g, d, z, ź, w, а также слѣдующіе не-

имѣющіе соотвѣтственныхъ глухихъ или безголосныхъ: l, ł, r и j *): grób, род. grobu могила, ród—rodu, wóz—wozu, rów—rowu, wódka, nóžka; sól—soli, wół—wółu, dwór—dworu, dwójka, zdroj—zdroju (староцерк. изрон истечение—корень ри: ринжти, рашти; развитіе д между ж и р извѣстно и Староцерк., нпр. издринжти, раздрашинти рядомъ съ изринжти, разрвшинти). Вм. голосовыхъ b, d и т. д. точнѣе было бы говорить о первоначально-голосовыхъ, т. е. въ большинствѣ случаевъ эти звуки, находясь въ исходѣ или же передъ безголосными, и сами обезголосились, сохранившись лишь на письмѣ. Въ видѣ исключенія 1) нѣкоторыя слова представляютъ сжатіе передъ безголосными—таковы глагольныя формы rólъ росъ, mós мочь, мошти (пишутъ обыкновенно módz, но это ошибочно), 2) встрѣчается сжатіе въ открытыхъ слогахъ, нпр. góga, król—króla. Еще нужно замѣтить, что ó (вѣроятно путемъ подражанія) является и вмѣсто вторичнаго o, представляющаго плодъ расширенія e: trzoda, стадо (=малорус. череда, стрц. урѣда), пол. мн.—trzód, какъ отъ poga—póg; żółw (черепаха)—основная форма жылькы (древнѣйшая форма жылы, род. жыльке); miód при род. miodu.

Сжатіе a, при которомъ оно приближается къ o, составляетъ достоиніе языка стариннаго и языка народнаго, поэтому и буква á не принадлежитъ къ обыкновенной польской графикѣ: szklánka (стелянка), piekárz (пекарь); wołá (онъ) кричитъ—примѣръ сжатія въ открытомъ слогѣ, причину котораго слѣдуетъ видѣть въ возникшей путемъ стяженія долготѣ: wołá произошло изъ первоначальнаго *колмѣть.

Сжатіе не въ иныхъ только случаяхъ, но и вообще есть слѣдъ долготы: это ясно изъ сравненія съ языками Чешскимъ и Сербскимъ, гдѣ мы находимъ напримѣръ выговоръ Bùh, Бòг, лѣд съ долгими гласными, при косвенныхъ падежахъ Воhа, Бога, леда—съ краткими. Возможно однако, что у Поляковъ протяженіе рано вызвало качественное измѣненіе гласнаго и само утратилось, и что въ Польскомъ языкѣ издавна не было долгихъ гласныхъ. Мы имѣемъ, правда, свидѣтельство первыхъ польскихъ

*) Таковы еще носовые m и n, но тѣ отчасти составляютъ исключеніе: e и o передъ ними въ настоящее время не бываютъ сжатыми.

грамматиковъ, Паркоша (XV в.) и Заборовскаго (XVI в.), о существованіи въ старину долгихъ гласныхъ. Объ этомъ же свидѣтельствуеъ и удвоеніе гласныхъ буквъ въ письмѣ XIV в., написанія въ родѣ *raap*, *Boog*, *brzeeg* (*brzeg*). Въ виду этого допускаютъ существованіе долгихъ гласныхъ въ Старопольскомъ и новѣйшіе грамматисты: Бодуэнъ-де-Куртенъ, Малиновскій, Малъѣцкій. Противъ указанныхъ взглядовъ выступилъ Антонъ Семеновичъ („О мнимомъ количествѣ гласныхъ въ Старопольскомъ“: *Ueber die vermeintliche Quantität der Vocale im Altpolnischen*); онъ указываетъ на то, что Заборовскій говоритъ не о своемъ времени, а Паркошъ имѣетъ смутное понятіе о долготѣ, и его долгіе гласные можно считать наклоненными. Однако на возраженіе Семеновича основательно замѣчаетъ Мильошичъ („О долгихъ гласныхъ въ Славянскихъ языкахъ“: *Ueber die langen Vocale in den slavischen Sprachen*), что, въ виду соответствія другихъ языковъ, польское сжатіе есть несомнѣнный слѣдъ долготы, хотя бы и утраченной весьма рано. Чтобы покончить со „сжатіемъ“, слѣдуетъ упомянуть еще объ одной графической особенностях, которая, при чтеніи старопольскихъ изданій, можетъ повести къ ошибкамъ; а именно: въ старину сжатое *a* обозначалось не акутомъ, а отсутствіемъ акута, такъ что *á* равнялось *a* чистому, и *a*—*a* наклоненному, нпр.: старое написаніе *rap*=теперешнему *ráp*. Еще нужно замѣтить, что, хотя въ настоящее время *ó* произносится какъ *и*, но надо думать, что *ō* не сразу получило такое произношеніе, а что сначала появилось среднее между *о* и *и*—*о* узкое (нѣм. *o* въ *goth*, франц. *o* въ *eau*).

І и у. Отношеніе этихъ звуковъ къ стариннымъ *и* и *ы* въ Польскомъ то же, что и въ Великорусскомъ, т. е. вообще *и* и *ы* сохраняются. Впрочемъ, польскіе *ы* не такъ широки, какъ русскіе, а нѣсколько ближе къ *і*. Случаи измѣненія основныхъ *и* и *ы* у Поляковъ почти тѣ же, что и у Русскихъ. Такъ заднебные *g* и *k* соединяются съ *і*, а не съ *у*, и староцерковные и праславянскіе слоги *гы* и *кы* перешли въ *gi* и *ki*: *кыи*—*kij* (палка), *гѣка*, род. *гѣкі* вм. *ржкы*; *гѣнаѣ* *гѣиѣжтѣ*. Не параллельно съ *г* и *к* идетъ *х*: первоначальное *хы* является въ видѣ средняго (довольно твердаго) слога, который пишется *chy*, нпр. *chylic* (наклонять), *chyba* (ошибка), *muchy* (мухи). Если *ы* въ соединеніи съ заднебными дали *i*, то съ другой стороны, *i* послѣ шипящихъ и послѣ *и* разшири-

лось и облизилось съ ѣ: *żywot* жизнь, *szydło* шило, *суфра*—и мы произносимъ жывотъ, шило и лишь на письмѣ сохраняемъ буквѣ *и* (послѣ *и* нерѣдко даже пишутся *ы*); *czysty, szczyt*—и у насъ въ слогахъ *чи. ши* широкое *і*, смакивающее на *ы*. Еще замѣтимъ, что *і*, не имѣя на себѣ ударенія, нерѣдко становится безсложнымъ, сливаясь съ предшествующимъ гласнымъ въ дифтонгъ и оставляя мягкость на согласномъ: *kupej*=коупоѣн (покупаѣй); *stań* (станн), *być* (быти). Явленія эти повторяются болѣе-менѣе во всѣхъ новославянскихъ языкахъ. Особенностью Польскаго языка представляется превращеніе слоговъ *ig* и *ug* въ *eg*: *sierota, umierać, rozlegać, zeg*; встарь было еще *sirota, umirać, rozūgać, syr*. Срв. также выше, стр. 3, внизу.

Согласные. Смягченіе мгновенныхъ зубныхъ *t* и *d*, т. е. превращеніе дославянскихъ сочетаній *tj* и *dj*, въ Польскомъ языкѣ даетъ свистящіе *s* и *dz*: свѣтъ+ја звучитъ въ староцерк. *свѣшта*—въ польс. *świeća*; мед+ја—межда—*miedza*; летѣж—лешѣж—*lece*; видѣж—виждѣ—*widzę*. Одинаково съ *tj* и *dj* измѣняются *kt* и *gt* (=kt, т. е. *g* передъ безголоснымъ *t* переходитъ въ безголосное *k*): пек+ти—лешти—*pieć, мог+ти—możni—moć* (Срв. стр. 10).

Однако есть случаи, гдѣ *d* и *t* вмѣсто свистящихъ обращаются въ шипящіе, именно, когда имъ предшествуютъ звуки *s* и *z*: *chłostać* (сѣчь)—1 л. наст. *chłoszczę*—ш, а не *сш*; *gwizdać* (свистѣть)—*gwizdzę*—ждж, а не *здз*. Эту странность можно объяснить тѣмъ, что основное смягченіе *tj* и *dj* давало *ч* и *дж* мягкія, которые только въ послѣдствіи отвердѣли; въ соединеніи съ *s* и *z* мягкость сохранялась, и *сч*, *ждз* давали *шч*, *ждж*, а потомъ уже поотвердѣли. Изъ *ч* и *дж* легко объясняются замѣны *tj* и *dj* во всѣхъ славянскихъ языкахъ, и потому ихъ можно считать праславянскими, трудно только объяснить староцерковное и болгарское *шт*.

Смягченіе губныхъ. Губные смягчаются непосредственно: *ziemia* при стрцрк. *земля*, *grabie*, по-рус. грабли, *żogaw, -wia*—журавль, -вля. Есть однако слова *ozarła* цапля, *grobła* плотина, *niemowlę* младенецъ и нѣкот. др., въ коихъ, если они дѣйствительно представляютъ *іотовыя* наставки -*ja*, -*je*, произошло элевое смягченіе губныхъ. Можно бы видѣть здѣсь архаизмы, а въ другихъ случаяхъ говорить объ утратѣ звука *l*, отчасти фонетически—меньшильное *grabki* изъ **grablki*, назывникъ *żogaw* изъ